

DOI 10.37523/SUI.2022.50.4.004
УДК 343.1

Гончарова Валерия Андреевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Томский государственный университет,
634050, Россия, г. Томск, Московский тракт, 8,
e-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Valeria A. Goncharova
Candidate of Law,
Assistant Professor at Civil Law Department,
Tomsk State University,
8, Moscovskiy Trakt, Tomsk, Russia, 634050
e-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ РАЗЛУЧЕНИИ С РОДИТЕЛЯМИ, ЗАКЛЮЧЕННЫМИ ПОД СТРАЖУ*

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблем прав несовершеннолетних детей при разлучении их с заключенными под стражу родителями. На основе анализа положений Конвенции о правах ребенка 1989 г., а также принятых на их основе норм отечественного семейного законодательства делается вывод о том, что само по себе разлучение детей и их родителей является экстраординарной мерой, применение которой даже в условиях необходимости должно сопровождаться формированием законодательных механизмов обеспечения права ребенка на совместное проживание с родителем и общение с ним. В настоящее время такие механизмы сформированы отечественным законодательством, которое с учетом международных и национальных нарративов допускает возможность, во-первых, совместного проживания в местах заключения под стражу матерей, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, и их детей, не достигших трех лет, и, во-вторых, устанавливает правила о возможности свиданий с родственниками при достижении ребенком возраста трех лет. В то же время проведенный в представленной статье анализ ст. ст. 18 и 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», формирующих гарантии прав несовершеннолетних детей при разлучении с родителями, показал, что имеющийся уровень обеспеченности прав детей в указанной сфере крайне низок, что предопределяет необходимость законодательных изменений в этой части.*

***Ключевые слова:** Конвенция о правах ребенка, содержание под стражей, права ребенка, разлучение с родителями, защита прав несовершеннолетних, информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей.*

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF MINORS WHEN SEPARATED FROM PARENTS IN DETENTION

***Summary.** The article is devoted to the study of the problems of the rights of minor children in the event of separation from their detained parents. Based on the analysis of the provisions of the Convention on the Rights of the Child of 1989, as well as the norms of domestic family legislation adopted on their basis, it is concluded that the separation of children and their parents in itself is an extraordinary measure, the application of which, even in conditions of necessity, should be accompanied by the formation legislative mechanisms to ensure the right of the child to live with the parent and communicate with him. At present, such mechanisms have been formed by criminal procedure legislation, which, taking into account international and national narratives, allows, firstly, the possibility of cohabitation in places of detention of mothers suspected or accused of committing crimes, and their children under three years, and secondly, establishes rules on the possibility of visiting relatives when the child reaches the age of three. At the same time, the analysis of Art. Art. 18 and 30 of the Federal Law of July 15, 1995 № 103-FZ «On the detention of suspects and accused of committing crimes», which form guarantees of the rights of minor children when separated from their parents, showed that the existing level of ensuring the rights of children in this sphere is extremely low, which predetermines the need for legislative changes in this area.*

***Keywords:** Convention on the Rights of the Child, detention, children's rights, separation from parents, protection of the rights of minors, information harmful to the health and development of children.*

По смыслу положений Конвенции о правах ребенка 1989 года (далее – Конвенция), ратифицированной СССР как правопродшественником Российской Федерации в 1990 г., на государственных участников возложена обязанность по созданию условий совместного проживания родителей и детей. Возможность их разлучения связывается разработчиками Конвенции со случаями, когда

компетентные органы определяют в рамках законодательно установленных судебных процедур, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Как отмечается в ст. 9 Конвенции, такое разлучение может быть оправдано в случае жестокого обращения с ребенком, отсутствия заботы со стороны родителей. Отдельно определяются ситуации «объективного» разлучения – разлучения, ставшего закономерным следствием привлечения родителя к ответственности, сопровождающейся изоляцией от общества, ареста и т. д. Гарантией прав ребенка в случае указанной вынужденной изоляции родителя является, по смыслу Конвенции, право на получение им информации о месте нахождения родителя, если это не противоречит интересам ребенка, а также в целом следующая из Конвенции обязанность законодателя государства-участника по формированию приемлемого компромисса в обеспечении прав ребенка и на совместное проживание, общение с родителем, и на безопасность.

Положениям Конвенции корреспондирует и отечественное законодательство: так, в соответствии со ст. 55 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) ребенок имеет право на общение с обоими родителями; согласно же п. 2 ст. 60 СК РФ каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В целях реализации обозначенных прав ребенка отраслевое законодательство устанавливает ряд гарантий, направленных на обеспечение возможности общения детей и их родителей, заключенных под стражу в связи с возбуждением в отношении них уголовного дела.

Следует отметить при этом, что законодатель по-разному подходит к вопросу об объеме прав несовершеннолетних детей таких родителей, учитывая возраст ребенка, психоэмоциональную и физиологическую связь с родителями, уровень психического развития и соответствующие возрасту потребности конкретного несовершеннолетнего. Так, по смыслу ст. 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» ребенок до трех лет может находиться в местах заключения под стражу вместе со своей матерью, при этом им обеспечиваются улучшенные материально-бытовые условия, организуется оказание медицинской помощи соответствующего вида и устанавливаются повышенные нормы питания и вещевого обеспечения, определяемые Правительством Российской Федерации. В порядке исключения – во избежание неоправданного разлучения матерей и их малолетних детей – закон наделяет администрацию места содержания под стражей правом возбуждать в установленном порядке ходатайства о временной передаче ребенка родственникам, иным лицам либо в детское учреждение в случае необходимости.

Приведенные положения являются отражением на национальном уровне существующих международно-правовых нарративов к содержанию лиц под стражей [1, 2], обеспечивают право ребенка на совместное проживание с родителем даже в условиях заключения под стражу последнего.

В настоящее время, однако, нормативно не установлен даже примерный перечень случаев, при которых администрация места содержания под стражей могла бы поставить вопрос о передаче ребенка другим лицам, что, как справедливо отмечается в доктрине [3], не может быть признано удовлетворительным. Иногда в литературе предпринимаются попытки формулирования перечня подобных оснований. Так, по мнению А. С. Михлина, администрация вправе заявить такое ходатайство в случае, если женщина систематически нарушает установленный порядок, не проявляет должную заботу о ребенке; по просьбе следственных органов такое ходатайство может быть заявлено, если по обстоятельствам предварительного расследования женщине предстоит участвовать в следственных действиях в другом регионе, особенно в холодное время года, когда перевозка с ребенком может быть затруднительной или даже опасной [4].

Как показывает практика, в подобных случаях женщина имеет право передать своего ребенка родственникам, либо – при их отсутствии – иным лицам. В то же время ни нормами Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ни положениями ведомственных актов не предусмотрена организация на территории следственного изолятора дома ребенка, а также привлечение персонала, который будет осуществлять уход за несовершеннолетним на период участия женщины в судебных заседаниях и следственных действиях.

Указанная проблема особенно актуализируется и в связи с тем, что женщина, содержащаяся в месте заключения под стражу в статусе подозреваемой или обвиняемой, является основным участником уголовного судопроизводства, который для установления истины по уголовному делу обязан участвовать в следственных действиях, принимать непосредственное участие в судебных

заседаниях. Присутствие малолетнего ребенка при производстве следственных действий, рассмотрении уголовного дела может, с одной стороны, затруднить осуществление соответствующих процессуальных действий, а с другой – причинить вред самому ребенку, нарушить его установленное Конвенцией право на безопасность.

Анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует об отсутствии каких-либо даже относительно конкретных способов разрешения описанного противоречия. В настоящее время законом предусмотрены лишь случаи, направленные на исключение негативного воздействия отдельных аспектов следствия и судебного разбирательства на несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, а именно на подсудимых, потерпевших и свидетелей. Соответствующие положения установлены, в частности, ч. 1 ст. 429 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), по смыслу которой допускается удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования доказательств, способных оказать на него отрицательное воздействие.

Аналогичным образом решается вопрос в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, которые по смыслу ч. 6 ст. 281, ч. 5 ст. 191 УПК РФ, а также разъяснений п. 12 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» не подлежат вызову в суд, который лишь оглашает их показания, данные при производстве предварительного расследования в случае, если они получены с помощью видеосъемки и материалы этой съемки хранятся в уголовном деле. В иных случаях суд по ходатайству сторон принимает мотивированное решение, касающееся необходимости вызова несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в судебное заседание. При этом, по смыслу разъяснений Верховного суда, суд может отказать в удовлетворении заявленного ходатайства, если есть реальные основания опасаться за психическое и психологическое состояние несовершеннолетнего, что в обязательном порядке должно быть подтверждено соответствующими медицинскими документами, заключением эксперта или специалиста (врача, психолога).

Возможность же участия иных несовершеннолетних, не являющихся участникам уголовного судопроизводства, в частности, детей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, специально и «адресно» законом никак не ограничивается. Данное обстоятельство в контексте общего требования об обязательности участия подсудимой в судебном разбирательстве и отсутствии механизмов временной передачи ее ребенка нельзя признать соответствующим положениям Конвенции, поскольку оно не способствует защите частных интересов несовершеннолетних. Подобный конфликт прав ребенка – права на общение с родителями и безопасность – по смыслу как семейного законодательства, так и международно-правовых актов должен разрешаться в пользу права на безопасность, что должно найти отражение на уровне разъяснений высшей судебной инстанции и законодательства. Если при назначении дела к слушанию суд придет к выводу о том, что обстоятельства дела не позволяют изменить обвиняемой меру пресечения, следует рекомендовать судам приглашать в зал судебного заседания близких родственников подсудимой, которые смогли бы осуществить присмотр за ребенком на период участия матери в судебном заседании, а при отсутствии таковых – сокращать продолжительность судебных заседаний.

Пока, до формулирования разъяснений, уместно руководствоваться следующим. Как отмечается в п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», гласность судопроизводства обеспечивается возможностью присутствия в открытом судебном заседании лиц, не являющихся участниками процесса, представителей редакций средств массовой информации (журналистов) (ст. 123 Конституции Российской Федерации, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 1 ст. 10 ГПК РФ, ч. 1 ст. 24.3 КоАП РФ, ч. 1 ст. 241 УПК РФ, ст. 12 Закона об обеспечении доступа к информации).

Присутствие в открытом судебном заседании несовершеннолетних, которые не являются участниками гражданских дел, дел об административных правонарушениях и уголовных дел, допускается с учетом требований Конвенции, а также положений Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», процессуального законодательства Российской Федерации.

Нормами приведенного закона устанавливаются виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей: запрещенная и ограниченная к распространению среди детей информация. К запрещенной информации относится, в частности информация, побуждающая

детей к причинению вреда жизни и (или) здоровью иных лиц, способная вызвать у детей желание употребить алкоголь, запрещенные вещества, табачные изделия, обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости, содержащая изображение или описание сексуального насилия, оправдывающая противоправное поведение, содержащая информацию порнографического характера. К ограниченной к распространению информации относится, в частности, информация, представляемая в виде изображения или описания жестокости, насилия, преступления или иного антиобщественного действия, вызывающая у детей страх, ужас или панику, представляемая в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной, содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани.

С учетом приведенных положений Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» суд или следователь, дознаватель, осуществляющий предварительное расследование по уголовному делу, на стадии следственных действий может ограничить присутствие в судебном заседании или при производстве следственных действий несовершеннолетних лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, в целях защиты их психического здоровья и психологического состояния.

В то же время полноценное разрешение указанного конфликта прав несовершеннолетних возможно лишь в случае нормативного закрепления в ст. 30 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» перечня оснований, при наличии которых администрация места содержания под стражей может (и должна) ходатайствовать о временной передаче ребенка другим лицам, среди которых должно быть предусмотрено такое основание, как «обоснованные опасения за безопасность ребенка при проведении следственных действий и рассмотрении дела судом».

Дискуссионным, кроме того, представляется и то обстоятельство, что законодатель закрепил лишь право женщины, содержащейся под стражей, иметь при себе малолетнего ребенка. С учетом принципа равенства родителей в их родительских правах, нашедшим отражение в ст. 61 СК РФ, думается, что, с одной стороны, такой подход ущемляет права отца, который может быть единственным родителем ребенка, на совместное с ним проживание. С другой стороны, наделение указанным правом именно матери малолетнего может быть объяснено как исключительно физиологической ее связью с ребенком, так и общими условиями содержания в местах заключения под стражу.

По достижении ребенком возраста трех лет он должен быть отобран у матери, заключенной под стражу, и передан родственникам, иным лицам, либо в соответствующее учреждение, осуществляющее надзор за оставшимися без попечения родителей несовершеннолетними.

В целом на необходимость определения места проживания несовершеннолетнего при заключении под стражу его родителя указывается в ч. 1 ст. 160 УПК РФ и п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». В случае наличия у несовершеннолетнего иного родителя, проживающего отдельно от ребенка, родственника, с которым у ребенка сформировались устойчивые семейные связи и у которого на время заключения под стражу родителя он может проживать, суд, разрешая ходатайство следователя об избрании меры пресечения, должен обратить его внимание на необходимость разрешения вопроса об определении места жительства ребенка. В то же время, как справедливо отмечается в литературе [5], формулировка ч. 1 ст. 160 УПК РФ является не совсем корректной, поскольку с учетом положений семейного законодательства, а также Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», органом, уполномоченным принимать решение о передаче несовершеннолетних на попечение третьим лицам, является орган опеки и попечительства.

Обеспечением права ребенка, достигшего трех лет, на общение с родителями является установленный законом режим предоставления свиданий. Согласно ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» количество свиданий, предоставляемых с письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, заключенным под стражу, с родственниками и иными лицами ограничено и не может составлять более двух в месяц. Представляется, что данное нормативное положение в контексте подходов Конвенции и семейного законодательства не учитывает особого статуса несовершеннолетних детей, их повышенной потребности в общении с родителями, важной роли последних в жизни детей, сложности и напряженности разлучения. Безусловно, в контексте оснований применения мер пресечения (ст. 97 УПК РФ)

не может быть поддержано и достаточно радикальное предложение некоторых авторов о полном запрете применения заключения под стражу в отношении женщин, имеющих несовершеннолетних детей [6]. В то же время очевидно, что с учетом представленных аргументов норма ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», касающаяся количества свиданий с родственниками, должна быть законодательно скорректирована, допуская их увеличение в интересах несовершеннолетних, как представляется, до одного раза в неделю.

В разрешении нуждается и проблема, связанная с определением возраста, с которого лицо может ставить перед органом, в производстве которого находится дело, вопрос о свидании с лицом, заключенным под стражу. Не исключены ситуации, при которых лица, на попечении которых оставлен ребенок, могут злоупотреблять своими правами и не обеспечивать несовершеннолетним возможность встреч с родителями. В этой связи четко прослеживается потребность в нормативном установлении возраста, с которого несовершеннолетний может сам заявить рассматриваемое ходатайство. По аналогии с гражданским и гражданским процессуальным законодательством такие полномочия могут быть предоставлены ребенку, достигшему 14 лет.

Ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», устанавливая разрешительный порядок свиданий, кроме того, не может быть истолкована как дающая правоприменителю – следственному органу или суду – возможность отказать в предоставлении свиданий без достаточно веских оснований, связанных с необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, а также интересов правосудия по уголовным делам. Как неоднократно отмечалось Конституционным судом РФ, такого рода отказы должны оформляться в виде мотивированного постановления и могут быть обжалованы прокурору или в суд общей юрисдикции, которые с учетом всех фактических обстоятельств дела оценивают, насколько обоснованно в каждом конкретном случае подозреваемому, обвиняемому отказывается в свидании (определения Конституционного суда Российской Федерации от 1 июля 1998 г. № 159-О, от 13 июня 2002 г. № 176-О, от 16 октября 2003 г. № 351-О, от 17 июня 2010 г. № 807-О-О и от 17 июля 2012 г. № 1334-О, от 7 февраля 2013 г. № 133-О, от 29 сентября 2015 г. № 1986-О, от 24 октября 2019 г. № 2714-О и др.). Представляется, что отказ в предоставлении свидания, особенно с несовершеннолетним ребенком, может быть вынесен лишь в исключительных случаях, связанных с поведением обвиняемого, представляющим опасность для своих родственников [7].

Разрешение описанных выше проблем позволит создать эффективные и соответствующие нормам международного права механизмы обеспечения прав несовершеннолетних при разлучении с родителями вследствие заключения под стражу последних.

Библиографический список

1. Караваев И. В. Особенности правового положения беременных женщин и женщин, имеющих при себе малолетних детей, заключенных под стражу, в российском законодательстве и международно-правовых стандартах // Общество и право. 2008. № 3.
2. Мельников В. Обеспечение прав граждан, в отношении которых применены меры принуждения, связанные с ограничением свободы передвижения // Мировой судья. 2008. № 2.
3. Кондрат И. Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. М.: Юстицинформ, 2015. 176 с.
4. Комментарий к Федеральному закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (постатейный) / Г. Д. Агамов, В. И. Алексеев, А. В. Бриллиантов и др.; под ред. А. С. Михлина, В. И. Селиверстова. М.: Спарк, 1999.
5. Власова Н. А. Применение попечительных и обеспечительных мер в отношении иждивенцев и имущества подозреваемого, обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 11. С. 10–14.
6. Русман Г. С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 28 с.
7. Шигуров А. В. Проблемы реализации права обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, на свидание с родственниками // Адвокатская практика. 2016. № 4. С. 24–28.

References

1. Karavaev I. V. Osobennosti pravovogo polozheniya beremennyh zhenshchin i zhenshchin, imeyushchih pri sebe maloletnih detej, zaklyuchennyh pod strazhu, v rossijskom zakonodatel'stve i mezhdunarodno-pravovyh standartah [Features of the legal status of pregnant women and women, characteristic of young children, Agreement in custody, in Russian legislation and international legal standards]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2008, no. 3 [in Russian].
2. Mel'nikov V. Obespechenie prav grazhdan, v otnoshenii kotoryh primeneny mery prinu-zhdeniya, svyazannye s ogranicheniem svobody pere-dvizheniya [Ensuring the rights of citizens against whom coercive measures related to the restriction of freedom of movement have been applied]. *Mirovoj sud'ya [Magistrate]*, 2008, no. 2 [in Russian].
3. Kondrat I. N. Obespechenie prav lichnosti v dosudebnom proiz-vodstve po ugolovnym delam: zakonodatel'noe regulirovanie i pravopri-mentel'naya praktika: monografiya [Ensuring the rights of the individual in pre-trial proceedings in criminal cases: legislative regulation and law enforcement practice]. Moscow, 2015, 176 p. [in Russian].
4. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O sodержanii pod strazhej podozrevaemyh i obviny-aemyh v sovershenii prestuplenij» (postatejnyj) [Commentary on the Federal Law «On Detention of Suspected and Accused of Committing Crimes» (item-by-article)]. Moscow, 1999 [in Russian].
5. Vlasova N. A. Primenenie popechitel'nyh i obespechitel'nyh mer v otnoshenii izhdivencev i imushchestva podozrevaemogo, obvinyaemogo [Application of guardianship and interim measures in respect of dependents and property of a suspect, accused]. *Rossijskij sledovatel' [Russian investigator]*, 2016, no. 11, pp. 10–14 [in Russian].
6. Rusman G. S. Sudebnyj kontrol' za primeneniem mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Judicial control over the application of preventive measures in the form of detention, house arrest. Extended of candidate's of Law thesis]. Chelyabinsk, 2006, 28 p. [in Russian].
7. Shigurov A. V. Problemy realizacii prava obvinyaemogo (podo-zrevaemogo), sodержashche-gosya pod strazhej, na svidanie s rodstvennikami [Problems of realization of the right of the accused (sus-pect) in custody to visit relatives]. *Advokatskaya praktika [Law practice]*, 2016, no. 4, pp. 24–28 [in Russian].